

А.Воронин

ЗОЛОТО СКИФОВ

Крымский карамболь

Андрей Воронин

**Золото скифов.
Крымский карамболь**

«Автор»

2018

Воронин А.

Золото скифов. Крымский карамболь / А. Воронин — «Автор»,
2018

Эта история написана на основе реальных событий, мой приятель, московский детектив Роман Рейнгольд, оказался участником интересного и опасного расследования прошлым летом в Феодосии, где работал по контракту, связанному с фактом загадочной смерти сына местного винодела немецкого происхождения Олбериха Морица. И всё, что с ним приключилось тем летом в Крыму, и послужило основой для данной книги...

© Воронин А., 2018

© Автор, 2018

Андрей Воронин

Золото скифов. Крымский карамболь

Глава 1. Дорога в Крым

Изнывающим от жары пассажирам порою начинало казаться, что полуденное солнцестояние невероятным образом затянулось, привычный ход времени самопроизвольно замедлился, а беспощадное солнце совершенно сошло с ума и злонамеренно остановилось в зените, испепеляя огненными лучами бескрайнюю пыльную степь. Пугающая безисходность, пребывания в мучительном положении пленников на адской дороге, создавала ситуацию ощутимой нервозности и напряженности у водителей, зажатых сложившимися обстоятельствами в плотном потоке автомашин перед развязкой на Краснодар и обречённых ползти в совместном беспрепятственном движении по трассе М 4 «Дон». Знойное марево повисло над просторами выжженных до черноты кукурузных полей и стеной пожухшего подсолнуха, создавая там в дали, у горизонта, апокалипсическую картину искажённой реальности, мистического миража, поглощающего в развернутое жерло широкую ленту плавящегося асфальта, а вместе с дорогой и всё это бесчисленное множество машин и людей, стремящихся к спасительному Чёрному морю. Показания температуры на цифровой панели приборов обозначали невероятные плюс 47 градусов по Цельсию, за салоном автомашины и даже не смотря на работающий на полную мощность климат-контроль, раскалённое солнце обжигало нестерпимым прикосновением прямо через лобовое стекло и очень досаждало человеку за рулём. Казалось ещё немного и пластиковые детали отделки салона престижного седана, не выдержав неимоверной жары, начнут размягчаться и плавиться. Когда наконец, после полудня, загруженная плотным потоком транспорта трасса М-4 осталась позади и Роман Рейнгольд, оставив в стороне Краснодар, свернул на Темрюк и вскоре остановился в спасительной тени акаций, у ни чем непримечательного придорожного кафе. Выйдя из машины, молодой человек предусмотрительно надел матерчатые перчатки, после чего аккуратно поднял капот серого «Mercedes» W212 и осторожно выкрутил пробку клапанной крышки, видимо предполагая за время не продолжительной стоянки предо-

ставить возможность раскалённому мотору немного остыть и продышаться. Затем Роман сходил в придорожное кафе, где приобрёл холодную бутылку «Pepsi», отрыв которую присел на скамейку за небольшим столиком среди акаций и наслаждаясь относительной прохладой, принялся просматривать пропущенные сообщения и последние новости на экране iPhone. Некоторое время спустя, опустошив небольшими глотками оригинальную бутылку, молодой человек вернулся к автомобилю, где остерегаясь случайно прикоснуться к раскалённым деталям двигателя открытой поверхностью руки, осторожно вытащил измерительный щуп и проверил уровень моторного масла. Вскоре вернув щуп и клапанную пробку на штатные места, Рейнгольд бросил последний взгляд на двигатель, оценивая общее состояние машины, прикрыл капот и видимо удовлетворённый проделанными манипуляциями, вытер матерчатой тряпицей отпечатки рук на серой эмали. Судя по сопутствующему описанию маршрута на Яндекс картах, молодой человек проехал от столицы почти тысячу триста километров, впереди лежали Славянск-на-Кубани, Тамань и Крымский мост, за ними Керчь, а там уже оставалось рукой подать, до солнечной и гостеприимной Феодосии.

Непредвиденная поездка в Крым смешала все планы Романа Рейнгольда на предстоящий август, но отказываться от столь неприлично заманчивого предложения не имело ни коммерческой, ни репутационной целесообразности. Сумма, прописанная заказчиком в контракте на выполнение работ, сама по себе представлялась молодому человеку беззастенчиво соблазнительной, а венчающая результативную часть числа аббревиатура US, в принципе исключала любые разумные возражения. Хотя содержание и форма обращения незнакомца к адресату представлялись несколько странными, а в самом тексте обнаруживалась масса необъяснимых противоречий и нестыковок, но такие обстоятельства никогда не смущали Рейнгольда, который слыл в определённых кругах решительным и добрым малым, говорил всегда только то, что думал и делал то, что должно. Здесь пришло время обозначить уважаемому читателю, что мой давнишний приятель Роман Генрихович Рейнгольд по роду деятельности являлся обладателем довольно специфичной, а главное редкой в России профессии частного детектива. Казалось бы, что может один человек противопоставить действующей правоохранительной системе целого государства и в частности такому важному органу исполнительной власти как полиция? Однако применительно к сложившейся российской реальности, а именно к бытовой стороне жизни среднестатистического обывателя, в данном конкретном вопросе определённо следовало принять во внимание негативное мнение подавляющего большинства граждан о столь уважаемом органе, обозначенном на профессиональном геральдическом гербе железным щитом и карающим мечом правосудия. Ведь иногда закрывшись железным щитом, в праведном порыве борьбы за закон и порядок, можно рубить на право и на лево, голов не разбирая, что особенно актуально в аспекте борьбы за межведомственные показатели пресловутой раскрываемости и проценты направленных в суды уловных дел. Вспомним хотя бы часто употребляемое по данному поводу выражение: «От сумы и до тюрьмы не далеко» или подобный же постулат предвещающий: «Если вы ещё не сидели, то это ни ваша заслуга, а наша недоработка». Памятуя былые неурядицы, умудрённые негативным жизненным опытом граждане добровольно обращаться за помощью к правоохранительные органы не имеют ни малейшего желания, разумно полагая принять меньшее из двух зол и претерпеть. Люди же располагающие связями и состоятельные, осознающие двойственную суть уголовного процесса, заключающегося в борьбе противоположности закона и справедливости, волею судьбы оказавшиеся в неприятной жизненной ситуации, также вряд ли сочтут благоразумным полагаться на благосклонность незрячей Фемиды, считая более разумным заранее понимать возможный результат. Под результатом в таком случае, конечно следует иметь ввиду те самые определяющие итог уголовного процесса понятия: кому, за что и сколько. Такие предусмотрительные граждане предпочитают оплатить вердикт заранее, не доводя до крайности. Вполне очевидно, что столь не однозначное переименование прошлой Советской милиции на европейский манер в полицию, также не добавило данному

органу благозвучного восприятия. Спешка со сменой вывесок, однако ни когда до добра не доводила. Это слово до сих пор непривычно звучит для слуха русского человека и невольно вызывает негативные ассоциации ещё из далёкого детства, связанные с отрицательными персонажами книжки Джанни Родари, полицейскими бульдогами гадкого принца Лимона и жадного синьора Помидора, поломавшими домик бедного дядюшки Тыквы. Я уже не говорю про отношение к процессу перевоплощения нынешних правоохранителей в полицаев моего деда, старого солдата, прошедшего последнюю Отечественную войну, которое вообще не предполагало двусмысленного толкования, а выражалось вполне определённо, одним довольно грубым, но точным словом ненормативной лексики на жужжащую согласную. А ведь в былые времена, название данной специфической, но в принципе, такой необходимой для общества профессии, призванной по сути своей просто закон и порядок соблюдать, звучало почти по-домашнему и даже, ни к ночи будет сказано, мило, – милиция. А может быть, в прошлые времена, сами люди относились друг к другу добрее.

Допустив некоторое вольное отступление от сюжета моего повествования, продолжу. Нашего героя привлекло в работе детектива вовсе не противопоставление собственной незаурядной личности правоохранительной системе, а вероятнее всего неосознанное желание приобщиться к романтике рассказов Артура Конана Дойла, навеянных on Baker Street 221 b сырыми британскими туманами и терпким табачным дымком из трубки знаменитого сыщика. Или, что более вероятно, тот просто больше делать ничего другого не умел. Выучили на опера, так будь любезен, иди по юридической части. И в самом деле, не в коммерсанты же в таком случае подаваться?

Служил Рейнгольд в прежние годы оперативником РУБОП по городу Москва, прошёл Чечню и поучаствовал в других разнообразных опасных приключениях. Как говорится, наш пострел везде поспел. Вот правда, с медными трубами у нашего молодца до сего времени, не всё обстояло должным образом и свою лебединую песню Рейнгольд, в свои полные тридцать три от рождения года, пропеть ещё к тому времени не успел. Бог миловал, но может это и к лучшему. Да и песня та, вероятнее всего могла получиться в ту пору довольно неблагозвучной, потому что особых способностей к голосовому жанру у нашего героя не наблюдалось и ко всему прочему, как поют эти самые птицы-лебеди в брачный сезон, нам доподлинно не известно.

Однако по ходу сюжета, настала пора представить читателю с моего героя. Роман Генрихович Рейнгольд, слоган фамилии которого допустимо перевести на русский язык благозвучным словосочетанием «чистое золото», по рождению считался таджикским немцем. Семья дедушки мальчика поселилась в Душанбе в годы воплощения в жизнь грандиозных и героических планов ГОЭЛРО, после 1924 года, когда Советское правительство пригласило немецких инженеров помочь молодой республике в возведении гидроэлектростанций на наших великих реках, озаботившись Ленинским указом об электрификации всей страны и грандиозными пятилетними планами строительства светлой дороги к коммунизму. Дорога данным проектом предполагалась светлая и прямая, но, как часто на Руси случалось и до этого, что-то с её прокладкой пошло не так. То ли руководящие органы коммунистической партии сметы перепутали, то ли место для строительства не удачно выбрали. Однако сказать, что годы великих свершений и народного подвига оказались потрачены напрасно, значило бы полностью исказить суть произошедших за годы Советской власти событий. Поколение 30-х годов прожили наполненную и светлую жизнь, не всегда сытую и в достатке, но неимоверно насыщенную добром. и надеждой на лучшее. В конечном итоге, намеченные грандиозные плотины Советские люди возвели и нужные гидроэлектростанции построили, и даже лампочку, ту заветную Ильича, где положено вкрутили и зажгли. Только шли годы, менялись чередой всенародно избранные партийные лидеры, а за ними и президенты, но всё ни как не могли эти достойные товарищи достроить ту, самую светлую дорогу, к всеобщим достатку и справедливости. Однако, не станем между строк огород городить в архисложном вопросе классового неравенства и крайне

запутанной теории обращения-невозвращения капитала, пока ненароком, не обнесли печатным словом кого-то из важных персон истеблишмента власть предержащих и благоразумно вернёмся к повествованию нашей довольно простой, но от этого не менее увлекательной истории. Тут следует раз и на всегда, выбрать для себя одно из двух предназначений, или вместе с Че Геварой шагать на баррикады, или писать детектив.

Так вот, приглашённым на строительство немецким специалистам, чтобы стимулировать на добросовестный труд, выделили ордера на новые квартиры, начислили высокую заработную плату и другие положенные по штатному расписанию льготы, а те, с малых лет вымуштрованные в неметчине исполнять любую порученную работу хорошо, принялись и в СССР работать также, как дома привыкли, потому что по-нашему не умели. Селились добровольные переселенцы обособлено, отдельными анклавами и так в восточном средневековом Таджикистане, в городе Душанбе, появился целый немецкий квартал.

Под тёплым таджикским солнцем и на чистом горном воздухе мальчик Рейнгольд рос физически развитым и крепким, свободно говорил на трёх языках, немецком, русском и фарси. Подростком считался заводилой среди местных мальчишек, ходил с ними в горы, купался в холодной, горной воде мутных арыков, первым вступал в схватку в пацанских дворовых драках, где имел славу верного и надёжного товарища. Ровесники таджики уважали чужака за твёрдый, бесстрашный характер и за крепкий кулак, а местная ватага по праву избрала немца своим вожаком.

Окончив школу и попав по призыву в Советскую армию Ромка отслужил срочную честно, от звонка до звонка, в должности механика-водителя танка. Помнится, как-то на учениях, в летних лагерях под Новой Вилгой, в озёрном краю Карелии, Рейнгольд по случаю встретил земляка, немца, авторитетного к тому времени старослужащего, обмывавшего очередной день рождения шнапсом, переданным в посылке из дома с разными другими вкусными вещичками. И на правах земляка, с позволения старослужащего, молодой солдат так успешно принял под копчёные колбаски и домашние плюшки, что в итоге завели земляки под звёздным Карельским небом с тоски по дому, brave арийские маршевые песни. Да так молодцы оглушительно вопили, не щадя живота своего, во все их лужёные глотки, что вскоре волки в глухом Карельском лесу с непонятки глубокого отчаяния и в предчувствии неизбежной беды, принялись подвывать голосившим немцам, видимо заранее вымаливая пощады. А дежурный по полку офицер, который не понаслышке знал буйный и необузданный нрав старослужащего, не решился под свою ответственность прервать необыкновенный концерт в палаточном лагере. И хотя тот офицер очень волновался по случаю того, чтобы начальство не прознало о ночном инциденте и не сослало бедолагу вообще куда-нибудь подальше на Север, но очевидно, что скорого на расправу во хмелю старослужащего немца офицер почему-то опасался ещё больше, винимо имел к этому вескую причину. Всю ночь славный гвардейский полк, войсковой части 45486 на реке Вилге страдал от бессонницы и ворочался с боку набок на деревянных нарах в казённых войсковых палатках, не смог сомкнуть глаз и по вынужденной необходимости приобщался к арийскому песенному жанру. Но по благоразумию или нерешительности, ни кто из служивых не посмел громогласно возмутиться и напомнить ночным бузотёрам славное взятие Рейхстага и призвать хулиганов к ответу, или на тот случай, среди пацанов в палатках просто буйных не нашлось. И звучать бы этой арии до самого рассвета, если бы вдруг среди ночи, крепкий шнапс наконец не сморил молодого Рейнгольда и его старослужащего земляка, и из палатки немцев раздался brave и молодецкий храп, к долгожданной радости и всеобщему удовольствию измученных необыкновенным концертом сослуживцев. Но конечно в армии кроме этого забавного случая с моим приятелем Романом Рейнгольдом, как из каждым из вас, кто туда непременно попадал, по доброй воле или по причине служебной необходимости срочного призыва, произошло ещё много интересного и когда-нибудь он мне об этом обязательно расскажет.

Однако, как тому и положено, ровно через два года срочной службы Рейнгольд демобилизовался на гражданку. Но долго дурака не валял, а наскоро освежив полученные в школе знания, поступил в высшую школу милиции в стольном городе Москва, после окончания которой, через пять лет, получив первые лейтенантские погоны и сдав попутно экзамен на краповый берет, прошёл конкурсный отбор в СОБР РУБОПА, откуда вскорости и загремел в Чечню...

Родители моего приятеля в эти годы эмигрировали с младшей Ромкиной сестрой в Германию, на постоянное место жительства, став участниками программы репатриации соотечественников. Переселенцы получили на родине предков хорошую квартиру и подъёмные пособия. Отец и мама настоятельно звали потом Рейнгольда к себе в неметчину, но молодой человек, в тот период увлечённый своей войной и неписаными законами боевого братства, без устали колесил по серпантинам Кавказских гор на броне потрёпанного БТР и ходил, через два дня на третий, на зачистки чеченских аулов. Между делом мой тогдашний приятель участвовал в нескольких громких боевых спецоперациях, штурмовал горные перевалы Большого Кавказского хребта в окрестностях Итум-Кале, щемил чехов в предгорьях Грузии и мстил за павших в боях пацанов, как ни где чувствуя себя там, на войне, на своём месте. Так бы и продолжала идти служба Рейнгольда своим чередом, по накатанной в Чечне горной дорожке, до шальной пули или звезды Героя, но по воле случая, во время одного из марш-бросков в горные районы Шали, БТР Романа подорвали, его самого серьёзно контузило и нашего бойца-молодца после больницы списали в запас, выдав ветеранское удостоверение в его неполные 32 года и начислив надбавку к воинской пенсии, аж в три тысячи рублей боевых. Словом, просто мечта среднестатистического Российского пенсионера.

В тот непростой период неопределённости первых месяцев на гражданке, родители в звонках из-за границы снова стали настойчиво зазывать Рейнгольда сменить постоянное место жительства на Германию. Роман в итоге, уже совсем вроде с ними согласился, собрал необходимые бумаги и даже прошёл собеседование на приёме в немецком посольстве, но тут получилась заминка с определением его национальности, потому что раньше, при регистрации новорождённого в ЗАГСе, родители в метриках записали мальчика русским, разумно предполагая, что так ему легче будет прожить в России. Но в данных обстоятельствах, немцев в посольстве это не устроило и теперь, чтобы получить статус соотечественника, возникла необходимость изменить национальность Рейнгольда через суд.

Пока совершалась вся эта чехарда с оформлением документов, Ромке выпал случай устроиться на работу к прошлым товарищам из спецподразделения ФСБ «Альфа», с которыми тот работал в плотном контакте в спецоперациях на войне. Устроиться на работу в охранный агентствo «Альфа-Форум» на Дмитровке, считалось среди спецов большой удачей, туда как вы понимаете, не каждого со стороны и брали, а Ромка всё-таки, для бывших фэбсев, получался человеком со стороны, полукровкой. Но прошлые боевые товарищи за немца вступились, благо те тогда находились в верхушке руководства конторы, и Рейнгольда поддержали и приняли.

Не будем особенно углубляться, чем именно занималось охранный агентствo «Альфа-Форум», если совсем коротко, то это контроль коммерческих структур и отъём чужой собственности путём поглощения и слияния бизнеса, охрана толстосумов-олигархов, их родни и имущества, в стране и за рубежом. Среди всего прочего, имело агентствo лицензию и на детективную деятельность, а что же не иметь, если полагается такая возможность, – всё так всё. В этом специфическом сыском подразделении солидной охранный конторы и работал Роман Генрихович.

То, что сотрудники конторы «Альфа-Форум» пребывали в достатке, наш немец осознал уже в первый трудовой день, прибыв с утра на планёрку в головной офис на Дмитровском шоссе. Протискиваясь на своём «Mercedes» Е-класса на плотно запакованной служебной стоянке, который смотрелся довольно скромно между громадными полированными сараями GLS класса, элитных марок «Infiniti», «Lexus» и «Range Rover», новобранец случайно при-

тёр огромный, покрытый сусальным золотом «Lexus». Упакованный золотой слиток, видимо изумившись наглости непрошеного гостя, принялся истошно вопить накрученной сигнализацией взывая к незамедлительной экзекуции нарушителя порядка. На призывный клич элитного японца из дверей офиса незамедлительно выскочила грозная охрана и с весьма серьёзными намерениями ринулась к машине Романа. Но по счастливому стечению обстоятельств, вскоре следом за охраной, на шум неразберихи на стоянке, на крыльцо офиса соизволило проследовать руководство конторы в количестве трёх бывших бравых седовласых полковников и под предводительством заместителя директора Андрея Дмитриевича, дородного и вальяжного генерала, с сохранившейся строевой выправкой, но с несколько раздобревшей от столичного достатка, громоздкой фигурой. И пока суровые охранники обступали со всех сторон нарушителя, принявшего боевую стойку и готового достойно вписаться в новый коллектив, отставной генерал, узнав в виновнике происшествия Рейнгольда, добродушно расплылся в благосклонной улыбке и поставленным командным басом резко одёрнул скорых на расправу подчинённых: «Всем, стоять-бояться! Эй вы, военные, отставить спецсредства! Прекратить самосуд! Прошу любить и жаловать, ваш новый сослуживец, Роман Генрихович Рейнгольд, – и уже обращаясь с лукавой ехидцей к виновнику торжества, поинтересовался, – что братец, видимо в качестве подъёмных, решил с первой зарплаты свою коробчонку, на приличную машину поменять! Ха-ха-ха!» – и все заинтересованные происшествием конторские, вывалившие разноликой толпой на шум-тарарам на служебную стоянку из парадных дверей офиса, в след за начальством дружно и зычно заржали.

Вскоре Рейнгольд благодаря личным качествам и выдающейся работоспособности, без особых шероховатостей влился в коллектив конторы. Как говорится, пришёлся ко двору. Роману Генрихович на этапе испытательного срока, поручили работу по установке и розыску имущества должников, с чем тот успешно справлялся, а иногда и самих должников доставлял на профилактическое собеседование в офис в багажнике автомашины. Вновь испечённый детектив вскоре поменял статус на постоянного работника и его задачи стали более разнообразными. Рейнгольд по приучению начальства сопровождал уголовные и гражданские дела, собирая нужные материалы, устанавливая факты и нужных свидетелей для вынесения процессуального решения в пользу нанимателей, искал по заказу московских олигархов пропавших неверных жён и сбежавших компаньонов, раскрывал кражи и грабежи из особняков на Рублёвке, там где полиция безнадёжно махнула рукой, и вскоре обрел известность в определённых кругах столицы. Со временем Роман Генрихович оброс собственной клиентурой среди чиновников и олигархов, банкиров и валютчиков, антикваров и местного криминала, его доходы и достаток увеличились пропорционально со спросом. Хотя молодой детектив работал в конторе за сравнительно большие деньги, скрягой Рейнгольд ни когда не был, считал что большие траты, предвестники больших денег. А теперь, с приходом стабильного достатка, когда мог позволить тратить на себя значительно больше прежнего, делал это со вкусом и с удовольствием.

В тот день, в который в контору по почте поступил тот самый конверт, который изменил планы Романа на конец лета. Заместитель директора, Андрей Дмитриевич, вызвал детектива в служебный кабинет и ознакомил с полученными документами. В сопроводительном письме, написанном на необычной плотной дорогой бумаге с водяными знаками, оказалось изложено предложение прислать для исполнения поручения лично Романа Генриховича в Крым, а именно в Феодосию, для проведения расследования в интересах семьи тамошнего землевладельца и винного магната Карла Морица. Бумаги оказались составлены от лица отца винодела, Олбериха Леопольдовича Морица.

Старший Мориц извещал, что в связи со скоропостижной смертью сына, заручился рекомендациями своих московских компаньонов и просит назначить в распоряжение по обозначенному делу именно Рейнгольда, так как лично располагает благоприятными отзывами о

компетенции и деловой репутации детектива. Приложением к письму являлся составленный нотариально именной контракт Олбериха Леопольдовича Морица с Романом Генриховичем Рейнгольдом на оказание юридических и информационных услуг по выяснению фактических обстоятельств смерти Карла Морица, с установлением наличия или отсутствия признаков криминального характера причин произошедшего события, а также установление круга лиц вероятно причастных к возможному преступлению. Средства выделяемые на вознаграждение за выполнение указанного контракта определялись суммой в 50 тысяч долларов США, с покрытием накладных расходов по исполнению данного контракта в полном объёме.

Тут необходимо предупредить моего читателя, что далее повествование по мере необходимости, становится изрядно насыщено непривычными для слуха русского человека именами и фамилиями, так как читателю придётся волей случая оказаться в узком семейном кругу, обозначенном в письме Олбериха Леопольдовича Морица.

– Вот такое all inclusive! – с усмешкой резюмировал Андрей Дмитриевич. – Старик то, видимо старой закалки, бумаги собственноручно выводил. Исходя из озвученной суммы контракта и положения заказчика в новом, перспективном для конторы регионе, отказать такому клиенту, как ты понимаешь, я не имею права. Значит поступаем так, без промедления оформляешь отпуск за свой счёт и выдвигаешься по месту назначения. Оценишь обстановку на месте, наметишь первоначальные мероприятия и отработаешь версию убийства сына заказчика. Сам понимаешь, в данных обстоятельствах, оплачивать командировочные расходы дополнительно к гонорару, руководство конторы посчитало расточительной роскошью. Требую учесть, что вся ответственность за своевременное и точное исполнение контракта возлагается лично на тебя, как того и истребовал заказчик. Мы конечно из Москвы подстрахуем и окажем поддержку, если таковая потребуется. А по возвращении предоставишь полный отчёт о проделанной работе и как положено при договорном контракте, двадцать пять процентов вознаграждения занесёшь мне лично, я оприходую. Всё, что может в Крыму потребоваться из спецтехники и вооружения подбери заранее из оружейной комнаты, под мою ответственность. Я уже отдал распоряжение дежурному отпустить. О всяком резонансном случае применения оружия в общественном месте докладывать незамедлительно. А теперь, если остались вопросы по делу, задавай, внимательно выслушаю?

– Вопрос на данный момент один. Как вы думаете, Андрей Дмитриевич, почему заказчик выбрал именно меня? – спросил Роман. – Не кажется ли вам это немного странным?

– Считаю, что этот вопрос второстепенный и возможно прояснится входе твоей работы на месте, – предположил руководитель. – Может быть выбор определился национальным вопросом, потому что немцы наверно, как и ты. Кстати, ты как я помню родным языком владеешь в совершенстве?

– Да, немецкий у нас в семье считался вторым официальным. Однако выбор для меня определённо странен. Как будто я последний немец, – усмехнулся Рейнгольд.

– В нашей конторе определённо да, – без шуток подтвердил заместитель начальника. – Первый и последний. Зайди потом к аналитикам, пусть забронируют билеты на самолёт и гостиницу. Да соберут всю полезную информацию, которую накопят на эту семейку.

– С вашего разрешения, я лучше на своей машине поеду. В Крыму вероятно крутиться по округе придётся, машина там явно лишней не будет, – предложил Роман.

– На твоё усмотрение, но советую приобрести местную страховку. Контора амортизацию частной машины тоже компенсировать не намерена, – отмахнулся Андрей Дмитриевич. – Но на долго не растягивай эту катавасию. Знаю я вас молодых, девушки и море взрывоопасная смесь для не сформировавшегося организма. Да и деньги, честно говоря по меркам Москвы небольшие. Таким образом, обозначим данное мероприятие, как не оплачиваемый отпуск за твой счёт. Утверждаю тебе на всё, максимум две недели сроку и скоренько обратно домой, у нас каждый сотрудник на счету.

– Слушаюсь, – козырнул шуточно Роман. На том они и расстались.

Отдохнув в кафе и остудив машину, насколько вообще уместно использовать данное понятие в таких немилосердных климатических условиях, при безжалостно палящем солнце и температуре воздуха в 47 градусов, детектив завёл машину и выехал со стоянки у придорожного кафе. Серый «Mercedes», разрезая жаркое марево плывущее над раскалённым асфальтом, полетел серебристой стрелой в направлении Керченского пролива. Через два часа Рейнгольд уже въехал на новую трёх полосную развязку Крымского моста, сбросил скорость до положенных здесь 90 километров в час и вскоре благополучно миновал КПП транспортного досмотра, где машину с московскими номерами даже не остановили. Эстакада повисла на бетонной колоннаде, выполненной из массивных железобетонных опор, позволяющих высотой пролётов обеспечить безопасное судоходство по водам пролива. Из окна машины, далеко внизу, за высокими отбойниками, с одной стороны открывалась бирюзовая гладь Керченского пролива ведущего к внутреннему Азовскому морю, а с другой, слева в дали, на горизонте Чёрного моря выделялись силуэты большой группы грузовых судов и нефтеналивных танкеров, находящихся на рейде и ожидающих в очереди разрешения на проход под арками Крымского моста в Азовское море. Здесь же, слева от действующей автотранспортной эстакады продолжалось возведение дублирующей автодорогу железнодорожной ветки. Асфальт на мосту и транспортной развязке строители уложили безупречно ровным, ехать по которому представлялось сплошным удовольствием. Автотрасса имела очевидный подъём к центру моста и вскоре за очередным изгибом эстакады взгляду Романа Рейнгольда открылись две громадные светло-серые металлические арки, которые в совокупности образовывали главный пролёт сооружения, устроенный для прохода морских судов. Вид большого скопления танкеров и сухогрузов стоявших группами на якорях в акватории Крымского моста, а с другой стороны силуэты Керчи, причалов, портовых кранов, сновавших туда-сюда по заливу вездесущих буксиров, прогулочных яхт и катеров оживлял морскую гладь вокруг эстакады и создавал благоприятное впечатление кипучей деятельности на полуострове.

Огромный новый мост завораживал любого путешествующего в Крым, монументальностью сооружения и грандиозностью объёмов проделанной работы. В реальности всё выглядело добротно, качественно и надёжно, сделанным на века. Исходя из увиденного, следовало заключить, что неопределённость со статусом Крыма закончилась, Россия вспомнила о своей славной истории и по праву первого вернулась на полуостров надолго и как стало теперь очевидно для всех, навсегда.

От светло-серых металлических арок дорога по эстакаде уходила вниз к полуострову и отсюда, с наивысшей точки сооружения, открылся прекрасный вид на полуостров, а в наступающих сумерках, справа уже зажглись огни Керчи. Ещё пару километров по эстакаде и после многочисленных развязок и съезда на Керчь, дорога сузилась. Основная трасса «Таврида», направлением на Симферополь, находилась на этапе реконструкции и на ней функционировала лишь одна полоса из двух. Встречная сторона шоссе отделялась от рабочей части дороги пластмассовыми ограничителями со светящимися элементами и там днём и ночью трудилось множество дорожных рабочих и разнообразная строительная техника. Многотонные дорожные катки трамбовали многослойную прослойку из песка и щебня, подготавливая надёжную подушку для укладки нового асфальта, экскаваторы рыли и благоустраивали обочины на многочисленных развязках и съездах с основной трассы, а рабочие обустроивали прилегающую территорию.

Движение на заузженной из-за дорожных работ полосе стало плотным и насыщенным. Автомшины отдыхающих в плотном потоке были весьма разнообразны: большие и маленькие, дорогие и бюджетные, с прицепами домиками и моторными лодками, с багажниками навьюченными разнообразной поклажей, велосипедами и досками для сёрфинга, заполненные романтическими парами, путешествующими пенсионерами, семьями с детьми и домашними

животными. Но всех движущихся в этом бесконечном потоке людей объединяло необъяснимое чувство радости и приближающегося счастья, наступившего долгожданного отпуска, встречи с тёплым Чёрным морем и ласковым Крымским солнцем, обильным праздничным застольем, с ароматной шаурмой и шашлыками, сочными твороженными самосами и вареной кукурузой, виноградным вином и мороженым, всевозможными экскурсиями и развлечениями, удовольствием от купания в море и беззаботным лежанием на пляже.

Роман Генрихович тоже поддался отпускному настроению потока отдыхающих и особенно не тяготился предстоящей работой в Феодосии. Московские айтишники заказали для командированного достойный номер в гостевом доме «Ассоль», на улице Земской, неподалёку от набережной и моря, где все прелести и достопримечательности курортного города находились в шаговой доступности. Особняк же заказчика работ Олбериха Морица, где детективу предполагалось побывать в ближайшее время, располагался поблизости, в тихом квартале старой Феодосии, среди зелени старых акаций и можжевельников, рядом с древне-заветной армянской церковью Сурб Саркис. Кратко ознакомившись с информацией аналитиков «Альфы», которую тем удалось собрать из открытых источников по семье Мориц, с обзором активов и бизнеса, а также развёрнутыми биографическими данными членов семьи и ближайшего окружения, Рейнгольд решил объявиться у заказчика работ утром следующего дня, заблаговременно уведомив о своём прибытии адвоката семьи, Соломона Израилевича Шварца, телефон которого сообщал в сопроводительном письме Олберих Леопольдович Мориц.

Довольно узкие улочки исторической части Феодосии оказались по обочинам заставлены бесконечными вереницами машин отдыхающих и местных жителей. Здесь среди скопления транспорта встречались автомашины не только всевозможных регионов континентальной России, но также дальнего и ближнего зарубежья. К удивлению Рейнгольда, на улицах городка достаточно часто можно было заметить автомашины и с прежней Украинской регистрацией, имеющие на номерах изображение жёлто-блакитного флага, хотя казалось бы очевидным, что их владельцам по статусу непримиримых врагов новой Крымской власти, от подобных поездок стоило воздержаться.

Гостиница «Ассоль» располагалась в исторической части города, на перекрёстке центральных туристических улиц Галерейной и Земской, на подходе к центральной набережной Феодосии. Здесь центром небольшой площади служила чаша действующего фонтана с бронзовыми фигурами влюблённых, вокруг которого сохранилась историческая застройка из двухэтажных кирпичных зданий прошлого века, с крашенными в пастельные тона оштукатуренными фасадами, украшенные замысловатыми карнизами, лепными капителями и изысканными балкончиками с кованым, ажурным ограждением. На улице Галерейной на первых этажах таких зданий находились значимые для курортного городка достопримечательности, дом-музей писателя Александра Грина и дом-музей художника Айвазовского, магазинчик Крымских вин и сувенирные лавки, бутики модной летней одежды и парфюмерии, а сетевые бюджетные столовые и ресторанчик быстрого питания Burger King, небольшие уютные кафе и многочисленные ресторанчики местной кухни могли удовлетворить посетителей с разнообразным вкусом и бюджетом. На Земской улице, в соответствии с названием, функционировали учреждения муниципальной администрации, здесь же работали отделения нескольких местных банков и две-три небольшие гостиницы.

Рейнгольд прибыв в центральную часть городка, сбавил скорость и осторожно въехал на пешеходную часть улицы Земской. Здесь уступая дорогу многочисленным отдыхающим, которые при свете винтажных фонарей, парами и небольшими группами, в окружении детей, домочадцев и разнообразных миниатюрных собачек, прогуливались по мощённому плиткой пешеходному бульвару, между цветущих и благоухающих кустов роз, Роман Генрихович аккуратно подкатил машину к своей гостинице, где свернул через узкую арку во внутренний двор, на закрытую стоянку. Заглушив машину и забрав из багажника сумки с поклажей и личными

вещами, молодой человек поставил «Mercedes» на сигнализацию, пересёк внутренний двор гостиницы «Ассоль» и поднялся по мраморным ступеням к входным дверям, ведущим в презентабельный холл отеля. На стойке ресепшн Рейнгольд предъявил паспорт и зарегистрировался по оставленной брони, после чего получил от дежурной, миловидной блондинки в белой корпоративной блузке, комплимент в виде очаровательной улыбки и ключи от номера. Поднявшись на второй этаж, в небольшой, но уютный suite-номер, с просторной гостевой комнатой и ванной джакузи, молодой человек наскоро разобрал сумки, принял тёплый душ, под которым с видимым наслаждением смыл дорожную пыль и накопившуюся за долгую дорогу усталость. Затем он накинул на голое тело предоставленный отелем махровый халат, выпил вместо дозы снотворного четверть бокала изысканного «Hennessy VSOP», из любезно наполненного отелем бара. Окончательно обсохнув, Рейнгольд плотнее задёрнул шторы на окне, сменил банный халат на дорожную пижаму, с которой не расставался в подобных командировках, и наконец с наслаждением завалился в огромную, высокую кровать. Накопившаяся за дальнюю дорогу усталость второй волной накрыла нашего героя и тот не мешкая заснул молодецким сном. Между тем, за зашторенными окнами гостиницы «Ассоль», под южным небом, потрясающим великолепием бездонной глубины насыщенного чёрного цвета, украшенного миллиардом мерцающих звёзд и сияющими хитросплетениями созвездий, под переключку цикад и монотонный шелест набегаящих на берег волн, развлекался и праздновал беззаботный курортный город. Ламинированные под орех стеклопакеты в номере отеля Рейнгольда почти заглушали нескончаемый гул вечерней Феодосии, состоящий из игры музицирующих на набережной уличных музыкантов, отголосков звучания ресторанных оркестров, пения в караоке на открытых танцплощадках и лезгинки ловких продавцов шаурмы. А вечерний морской бриз случайным образом сочетал в лёгком дуновении йодированный запах выброшенных волнами на берег морских водорослей, дымок тлеющих углей мангала шашлычницы, слабый аромат фруктового кальяна, терпкий вкус жаренных зёрен кофе и коньяка, с послевкусием терпкой лаванды.

Пока молодой человек набирается сил для предстоящей работы, мы стараемся не потревожить уставшего путника, виртуальным образом откроем чёрный iPhone Романа Генриховича и познакомим читателя с содержимым аналитической записки айтишников Московского охранного агентства «Альфа-Форум» касающейся предмета порученного детективу расследования. Предоставлена информация повествует о образе жизни и состоянии дел заказчика работ Олбериха Леопольдовича Морица, позволив получить исчерпывающее представление о составе семьи, социальном положении, имуществе, источниках дохода и образе жизни домочадцев заявителя.

Олберих Леопольдович Мориц, как мы естественно могли предположить, являлся по рождению чистокровным немцем. В Россию Мориц впервые приехал в 1953 году, в возрасте 23 лет, по направлению немецкой компартии, как инженер производства и специалист-винодел для помощи в восстановлении завода в Каффе. Винодельческий завод, где молодому немцу поручили применить приобретённые знания и практические навыки, заложили в 1824 году при генерал-губернаторе Михаиле Семёновиче Воронцове. Светлейший князь собственной персоной владел обширными виноградниками в Крыму и по примеру одного царедворца многие столичные меценаты озаботились этим доходным и благодатным промыслом, принеся себе достаток, а местным винам всероссийскую славу и мировую известность. Хотя само виноградарство и виноделие возникло на полуострове за долго до московских инвесторов, с лёгкой руки древних греков, во времена великих завоеваний Александра Македонского. Во время второй мировой войны корпуса винодельческого завода в Каффе оказались в руинах и практически уничтожены, попав под фашистскую бомбёжку, и после окончания боевых действий победители в качестве репараций решили пригласить немца на восстановление производства. Инженер Олберих Мориц, благодаря врождённому трудолюбию и обширным теоретическим знаниям, полученным в специализированном колледже в Германии, выделялся среди советских работ-

ников административно-технического аппарата винодельческого завода в Каффе дисциплиной, трудолюбием и работоспособностью, и вскоре молодой специалист пошёл вверх по служебной лестнице. Порученная работа по селекции сортового виноградника увлекала Морица и молодой человек полностью отдавался производственному процессу. В старинных погребах винодельческого завода с одобрения руководства, Олберих Леопольдович экспериментировал с различными сортами винограда, некоторые виды лозы которого привозил из рабочих командировок во Францию и Испанию, а в укромных погребах заводских подвалов хранил бочки с экспериментальным вином, созданного не для общего пользования в сети розничной советской торговли, а для истинных гурманов. Скоро при поддержке обкомовского начальства, с удовольствием дегустировавшего на Советские праздники особое вино Морица, немца выдвинули на должность начальника производства. Винодел получил повышенный оклад и просторную трёхкомнатную квартиру в центре Феодосии, в новом сталинском доме с высокими потолками. Следует уточнить, что дом тот как и многие другие дома в то послевоенное время в Крыму, возвели пленные соотечественники винодела.

Устроив бытовые вопросы на новом месте за счёт выдающейся работоспособности и личного обаяния, Олберих Мориц уже через два года получил возможность перевезти из Германии в Феодосию невесту, девушку из знатной, но обедневшей семьи курляндских баронов, Эльзу Карловну фон Ригер. Молодая девушка сохранила при бракосочетании фамилию собственного знатного рода, извещавшую о том, что предки Эльзы Карловны во времена средневековья и крестовых походов имели в собственности земельные владения под Ригой. Эльза Карловна вскоре начала преподавать родной немецкий язык в одной из гимназий Феодосии. В 1961 году у пары родился довольно поздний, но долгожданный ребёнок, наследника нарекли Карлом. Мальчика воспитывали в аристократических немецких традициях, с гувернанткой и учителем немецкого языка, которых по статусу и достатку Мориц-старший в то время уже мог себе позволить. После школы Карл, по протекции немецких родственников, уехал учиться в Германию по обмену между учебными заведениями.

В середине 80-х годов наступило трудное время для виноделия, во время антиалкогольной кампании виноградники в Крыму принялись бездумно уничтожать, сам завод и производство пришли в упадок. А тут и 90-е подоспели, всю страну лихорадило, народ обнищал, происходило перераспределение собственности и капитала. Виноградники стояли заброшенными и не возделывались. Вот тут-то Мориц и получил из Германии помощь в виде неожиданно свалившегося на него наследства от одного из близких родственников. По Советским меркам сумма наследства казалась неслыханным богатством, что-то около 500 тысяч долларов. Часть денег Олберих Леопольдович вложил по совету немецких родственников в акции европейских компаний, а на другую, меньшую часть, стал скупать пустующие земли по паям колхозников, которые в те времена застоя и общего безденежья стоили сущие копейки. Приобретённые участки находились на южных склонах Крымской горной гряды, вокруг Коктебеля и Судака. Частично Мориц завладел и землями старого винного завода на котором трудился винодел. По случаю купил Мориц и сам окончательно разорившийся к тому времени завод, с винодельней и пустыми винными бочками в старинных кирпичных погребах. С того времени, имея прочные связи среди руководящего аппарата Крыма, Мориц зажил в спокойствии и в достатке, возделывал около 180 тысяч кустов лозы на собственных виноградниках и производил среди других марок местного Крымского вина и собственное прекрасное мерло благородного шоколадного оттенка, которое выпускал под собственной маркой «Мерло Голд». Свою продукцию Мориц почти полностью поставлял в Германию. Вино отгружалось на корабли в цистернах, а по прибытию к месту назначения продукт разливали и продавали через крупные торговые сети немецких родственников Олбериха Леопольдовича.

В 1991-м году Карл Мориц вернулся из Германии в Крым, после окончания аспирантуры и стажировки на винных заводах Франции. Молодой отпрыск быстро вошёл в семейный биз-

нес и стал хорошим подспорьем Олбериху Леопольдовичу в развитии винодельни и виноградников, а отец теперь смог больше времени посвящать организационным и административным вопросам. В то же время, основным экспертом по спорным юридическим вопросам ведения бизнеса и домашним адвокатом семьи Мориц служил известный в Феодосии юрист Соломон Израилевич Шварц, образованный и очень аккуратный в делах человек, которому Олберих Мориц поручал юридическое сопровождение сделок с недвижимостью и юридическую защиту гражданско-правовых интересов семьи.

С прошествием времени молодой Карл Мориц проявил себя в делах производства истинным европейцем, человеком нового мышления и хотя относился с глубоким уважением к мнению отца, позволил себе внедрить на заводе и в виноградниках новые передовые европейские технологии. Высаживать лозу и разбивать участки под виноградники под руководством младшего Морица принялись с использованием спутниковой навигации, что позволило более рационально и грамотно планировать и использовать земельные участки в гористой местности, а на заводе приобрели новую современную линию розлива вина в бутылки и современное оборудование в лабораторию контроля качества сырья и вина. Карл пошёл ещё дальше и с разрешения отца систематизировал бухгалтерский учёт, а оборот документации перевели в электронный вид и теперь всякое движение сырья, товара и денежных средств отражалось онлайн в гаджетах Карла и его управленцев. По вновь заведённому порядку у каждого сотрудника завода появилось личное расписание рабочего дня и электронный пропуск-чип, для учёта рабочего времени, с тарификацией технологических операций, которые входили в обязанности данного сотрудника по штатному расписанию. На заводе и виноградниках стало значительно больше порядка и меньше воровства, пропорционально увеличилась прибыль предприятия и зарплата работников. Карл сократил аппарат управления и бухгалтерии, убрал с завода несколько вороватых менеджеров. Уволенные молодым владельцем сотрудники, конечно затаили на младшего Морица обиду, хотя и получили от предприятия компенсацию в виде приличного выходного пособия.

Карл в корне пересмотрел отношения предприятия с местной муниципальной властью. Молодой немец учредил адвокатскую контору, в функциональные обязанности которой вменил, кроме предоставления общих юридических услуг населению, представление в судах и органах исполнительной власти интересов и бизнеса семьи Мориц. Квалифицированные юристы на начальном этапе работы завалили жалобами и претензиями органы исполнительной власти и прокуратуру, обжалуя безосновательные решения чиновников ущемляющие законные интересы предприятий Морица. И по прошествию непродолжительного периода многочисленных судебных тяжб добились определённых результатов. Откровенное вымогательство безосновательных откатов на уровне муниципальных чиновников почти полностью прекратилось, а проверки краевых чиновников стали происходить значительно реже. Такой поворот конечно вызывал у краевой и городской власти подковёрный ропот и недовольство, но Карл Мориц не отступал от принципов законопослушного предпринимателя и гражданина, шёл по жизни с гордо поднятой головой, как истинный ариец, опасности всегда смотрел прямо в лицо, а таких людей у нас уважают и откровенно побаиваются. К тому же у молодого Морица имелся достаточно влиятельный круг общения, довольно влиятельные лица исполнительной власти и крупном бизнесе, к личной помощи которых молодой немец мог прибегнуть в особых случаях. Карл водил дружбу с соотечественниками, которые занимались аграрным бизнесом в Киеве и с немецкими финансистами в Москве, где тоже часто гостил. Переодически наезжая в Киев, на вечеринке у общих знакомых молодой человек обаятельной с еврейской девушкой Соней Шварцман, креативным менеджером агрофирмы своего приятеля. И в скором времени молодой человек предложил девушке место управляющего менеджера в собственной компании, а после непродолжительного периода цветочного ухаживания, несмотря на активное противодействие матери, представил Соню семье в качестве невесты. Соня Шварцман оказалась родом

из большой Киевской еврейской семьи, с устоявшимися весьма ортодоксальными традициями и жизненным укладом, получила очень хорошее образование в области управления и организации работы персонала и корпоративного менеджмента. Девушка оказалась не только молода и хороша собой, а кроме русского и иврита, в совершенстве владела немецким и английскими языками, была принята в высшем круге золотой молодёжи украинской столицы. В свободное время Соня Шварцман увлекалась конным спортом и содержала в арендованном загоне элитной частной конюшни собственного жеребца. Молодые люди вскоре сыграли свадьбу в шикарном ресторане «PLAZA» на Крещатике и как само собой разумеющееся, уже в 1992 году у молодых родился мальчик, которого назвали немецким именем Саша, а два года спустя, в 1994 году, на свет появилась девочка, которую по обоюдному согласию родителей нарекли София. Через год после рождения внучки Эльза Карловна фон Ригер внезапно заболела пневмонией и скоропостижно скончалась, несмотря на хороший уход и консилиумы дорогих врачей. Олберих Леопольдович тяжело воспринял потерю супруги и до настоящего времени вспоминал покойную с любовью и нежностью.

В активах семьи Мориц, кроме акций европейских компаний, имелись виноградники и винодельческий завод под Судаком, коммерческая недвижимость в Киеве, особняк в Феодосии и яхт-клуб в Коктебеле. Словом, деньги в семье водились и жили там в достатке.

Южная ночь сказочно прекрасна, до рассвета осталось еще несколько часов и пока наш герой, Роман Генрихович Рейнгольд, отсыпается после долгой и трудной дороги, мы с вами вернёмся к знакомству с Крымом и черноморской красавицей Феодосией. Феодосия – небольшой и тихий курортный городок, расположенный на границе песчаных дюн посёлка Берегового и прикрытый от степных горячих ветров материковой части полуострова хребтом Тепе-Оба южной гряды Крымских гор. Место сие освящено мысом Святого Ильи в Феодосийском заливе и звоном колоколов многочисленных городских храмов и церквей. Здесь перекрёсток древних торговых путей и место смешения древних религий, с протяжным пением мулы на минарете мусульманской пятничной мечети Муфти-Джами и негромким бормотанием читающего Тору в Шаббат раввина, с треском плачущих в серый песок восковых свечей и завораживающее армянское песнопение под мелодичное звучание органа в средневековой церкви Сурб Саркис и перезвоном колоколов великолепного храма Святой Екатерины. В самом городе по местечковому тихо и спокойно, и пусть кому-то особо взыскательному в городке не хватает роскоши и шика Ялты, но зато всё здесь знакомо и понятно сердцу среднестатистического русского человека, как восточная старая сказка. Тут городские постояльцы всегда внимательно выслушают путника, а при случае успокоят и посочувствуют, а при возникшей необходимости направят в нужную сторону, укажут путь и пошлют куда-нибудь, хотя иногда и по матери. А уж сами крымчане какие душевные люди, никому не сравниться с ними по доброте души, хлебосольные турки и египтяне, и даже улыбчивые греки, лишь бедная тень гостеприимных феодосийцев. И конечно Феодосия, это прежде всего тёплое, ласковое Чёрное море. Море здесь поистине чудесное, чистое и бирюзовое. Куда там тягаться с нашим-то родным Чёрным морем Красному коралловому чуду пыльного Египта или средиземноморскому парному молоку в эксклюзивной Турции, а про Эгейское море греков уже даже и не говорю, ну право слово, просто лужа, а не море.

Как и во всех курортных городах Крыма, в Феодосии присутствует всего два времени года: это подготовка к курортному сезону и, так сказать, сам летний сезон, который начинается с майских праздников и длится до конца октября. Подготовка к отпускному сезону, подразумевает трудоёмкий и затратный процесс, который длится всё межсезонье и включает в себя суету хождения по многочисленным инстанциям с целью получения разрешений на аренду и обустройство мест под строительство гостиниц, развлекательных центров, кафе, магазинов и других богоугодных заведений, оформление лицензий на торговлю спиртным и сигаретами, получение квот и разрешений на гидроциклы, катамараны, бананы, парашюты и обустрой-

ство пляжных сооружений водными горками, аттракционами и лежаками. Прибавьте сюда же закупку разнообразных товаров и сувениров, подготовку инвентаря и реквизита для развлечений отдыхающего народа, и всё это конечно не безвозмездно, а с целью сбора с отдыхающих положенной за услуги платы.

Талантливые и очень трудолюбивые крымские художники в межсезонье штампуют монументальную живопись в стиле а-ля Айвазовский в невероятных количествах, заготавливая как банки с огурцами, однотипные шедевры с бушующим морем и терпящими крушение кораблями в разнообразных вариациях. Сия местечковая живопись затем преподносится курортной публике, под благовидным предлогом, как оригинальное видение и индивидуальный почерк современных Феодосийских живописцев. Мастера сувениров, гончары-ремесленники и местные умельцы надомники, производят к отпускному сезону, в таких же невероятных количествах разнообразные безделицы с морской тематикой, тарелочки и чашки, фигурки и амулеты, лепят подарочные композиции из ракушек и крабов, и другие всякие безделицы. Музыканты-передвижки всевозможных жанров и направлений подбирают репертуар и готовятся в конкурентной борьбе заполнить выделенные по квоте места на городской набережной, для сбора пожертвований от благодарных отдыхающих меценатов.

При этом у города Феодосии имеется интересная летописная история, с довольно длинным списком почётных граждан, которые внесли заметный вклад в архитектуру, живопись и науку Крыма. Тут вам и обилие древностей в архитектуре, и здесь на первом месте, в одном ряду с древней генуэзской крепостью, старинными церквями и музеями, находятся прибрежные дачи выдающихся граждан Феодосии. В начале 20-го века городская управа приняла очень важное и основополагающее решение о застройке лучших земельных участках города, в центральной его части, на набережной у моря. Но при этом вероятным застройщикам выдвигалось обязательное условие прохождения проектами городского конкурса на наличие в архитектурном облике строений оригинального стиля, со своим неповторимым обликом. И тут между местными состоятельными горожанами и привлечёнными возможностью получить свой клочок счастья у моря столичными богачами началось настоящее соревнование стилей, архитектурных решений и интерьеров, и конечно борьба кошельков. Из общего большого количества представленного на суд жури проектов прекрасных зданий, возведённых затем в городе, до нашего времени дошли лишь немногие, остальные пришли в упадок или пали под многочисленными немецкими бомбёжками во время последней войны. В наши дни мы можем любоваться лишь прекрасной дачей «Милос», с божественных колоннадой мраморных кариатид, с великолепной беседкой-ротондой и статуей Венеры Милосской на проспекте Айвазовского. Здесь же в одном ряду дачи «Вилла» и «Флора», а дальше в гору, у Межениновского моста, получившего в народе название Мост поцелуев, великолепная дача Стамболи в мавританском стиле, с яркими цветными мозаиками изразцов, турецкими башенками и куполами и великолепной авторской кованой оградой. О, там у каждой прекрасной дачи своя замечательная история и завораживающее повествование судеб их владельцев и домочадцев, трогательные романтические истории, а порой и трагические.

Но пора, наш герой, по выработавшейся годами привычке вставать рано, уже проснулся, вернёмся же к нему в номер и продолжим наше повествование.

Глава 2. Семья Морица

Проснувшись рано утром у себя в номере, Роман Генрихович принял прохладный душ, чтобы смыть ночную дремоту, натянул спортивные шорты и футболку, обулся в беговые кроссовки и захватив пляжное полотенце спустился в вестибюль гостиницы. Пожелав доброго утра ожидающей смену симпатичной девушке-администратору и пожилому сторожу, с большой ответственностью подметающему внутренний двор отеля, Роман вставил в уши беспроводные наушники и включив любимую подборку Joe Cocker медленно выбежал из арки по Земской на Галерейную и пружинистым шагом потрусил по пешеходному бульвару к морю.

Солнце ещё только поднималось у горизонта над морем и курортный городок неторопливо просыпался, смывая с себя струями поливальной машины следы ночного кутежа отдыхающих. На пустынных улицах публичные заведения ещё оставались закрытыми и только кое-где у кафе и закусочных уже разгружали свежую выпечку. Утренний воздух бодрил свежестью лёгкого морского бриза, отдавая привкусом корицы, свежесваренного утреннего кофе, терпкостью цветущих акаций и казался насыщенным запахом йода и морских водорослей. На набережной пролегающей вдоль городского пляжа, у Романа Генриховича появлялось несколько добровольных попутчиков из числа местных жителей и активных отдыхающих, тоже бредущих на разминку к морю. По негласной традиции в городке первыми просыпались пожилые граждане, которые в отличие от отпускников соблюдали рекомендованный режим дня и выполняя установленное расписание парами и поодиночке двинулись по направлению к морю, набравшей всеобщую популярность скандинавской ходьбой, дружно перебирая тонкие лыжные палочки и тем самым издали похожими на стаю взъерошенных фламинго, спешившими совместить утреннюю разминку с солнечными ваннами, а самые решительные, в добавок принять водные процедуры.

Роман в этом году ещё не окунался в море. Забравшись в дальний конец набережной, ближе к порту, молодой человек спустился на пляж, оставил на берегу одежду и с недоверием пощупал ногой накатывающие на берег длинные, шуршащие мелкой галькой волны. Вода к удивлению оказалась довольно комфортной, видимо море ещё не успело остыть за ночь. Решительно сделав несколько шагов в глубину, Рейнгольд решительно нырнул, выставив вперёд руки, и пройдя под водой метров пятнадцать с открытыми глазами, почти у дна, вынырнул на поверхность и сделав шумный выдох в воду. Затем детектив задорно заколотил кролем, на раз-два-три-четыре, выбрасывая слегка согнутые руки вдоль головы, сначала плавно

и неспешно, постепенно добавляя силы, прибавляя ход и вскоре набрав привычный темп двинулся вдоль берега. Проплыв метров триста, пловец повернул обратно, лёг на спину и долго грёб, мощно выбрасывая руки и взбивая воду ногами.

Закончив заплыв, размявшийся и посвежевший Рейнгольд вернулся в гостиницу, где ещё раз принял уже горячий душ, тщательным образом побрился, уложил назад жёсткие волосы, надел белоснежную рубашку и светлые брюки под лёгкие кожаные мокасины, освежил себя привычным Armani Code и спустился в кафе на завтрак. На столе постояльца ожидали пшённая каша с черносливом, гренки и кофе с молоком. Интерьеры и сервировка стола соответствовали уровню гостиницы и Роман Генрихович остался доволен выбором айтишников. Настроение с утра было прекрасным и отдохнувший с дороги и полный свежих сил детектив был готов к выполнению своих обязанностей.

Не спеша покончив с завтраком, Роман по традиции оставил в меню чаевые и прошёл на стоянку. Машина оказалась помыта прислужгой отеля, что оказалась небольшим, но приятным бонусом к предоставленным услугам, и ожидала владельца в тени навеса на парковке, поблёскивая солнечными зайчиками на лобовом стекле от хромированной звезды на капоте. Рейнгольд подключил iPhone к сети машины и забив в поисковике адрес Олбериха Морица, выехал в город. Яндекс-сервис бархатным баритоном Олега Табакова вёл детектива по узким улицам Феодосии в старый город. Здесь среди ещё неплотного потока машин, в утренней прохладной тени акаций и древесных можжевельников у ограды армянской церкви Сурб Саркис Роман Генрихович припарковал «Mercedes» у обочины, втиснув машину среди вереницы других авто, видимо оставленных здесь на ночь. Забрав с собой сумку с личными документами, блокнотом и контрактом на работу, Рейнгольд свернул на узкую тихую улочку с высоким забором из ошлифованного ракушечника и пройдя по которой немного вверх, очутился у массивной кованой грады солидного двухэтажного особняка, находившегося в глубине тенистой территории, с ухоженными канадскими клёнами с ажурными бардовыми кронами, аккуратно подстриженными декоративными кустарниками и безукоризненно выстриженной зеленью газонов.

Калитка у въездных ворот оказалась на кодовом замке, с глазком видеокамеры. От ворот к дому вела выложенная некрупным искусственным булыжником дорожка, с такого близкого расстояния ещё раз невольно обращала на себя внимание изящная и ювелирная точность работы умелых рук садовника. Сам особняк частично скрывался в тени деревьев и древесных можжевельников. С улицы просматривалась лишь часть здания, выполненного в строгом стиле конструктивизма, с большими светлыми окнами и строгими фасадами оформленными по заглаженной штукатурке светло-бежевой пастельной краской.

На шум шагов, на встречу гостю выбежал огромный мраморный дог с умными, но недобрыми глазами. Немного не добежав до ворот, собака остановилась и осмотрев незнакомца предупредительно залаяла. Но затем по какой-то негласной команде, может быть прозвучавшего от дома ультразвукового свистка, вышколенный четвероногий охранник потерял интерес к гостю и вернулся вглубь парка к дому. Входная калитка у ворот плавно открылась скрытым от посторонних глаз механизмом и мужской немолодой, но хорошо поставленный голос в динамике переговорного устройства пригласил Рейнгольда войти, видимо его ожидали. В глубине парковой территории, детективу открылся довольно просторный двухэтажный особняк, украшенный лишь неброским классическим портиком с колоннами и венчаемый небольшим балконом с витражным французским окном в пол, над парадным входом. Изюминкой дома безусловно являлась натуральная черепичная кровля цвета обожжённой глины. Выделяло особняк и отсутствие кондиционеров на фасаде, так омрачающих обычно визуальный облик нынешних строений, что объяснялось скорее всего наличием центральной системы кондиционирования воздуха, устроенной в подвальном помещении. Вдали парковой территории располагался коттедж из деревянного бруса для обслуживающего персонала, а также просторный гараж с тремя роллетными воротами. Мраморный дог, который встречал гостя у въездных

ворот, теперь равнодушно возлежал у ног человека, стоявшего на ступенях парадной лестницы, положив свою огромную голову на сложенные перекрестием передние лапы и свесив из распахнутой пасти влажный розовый язык. Что касается человека, который ожидал детектива у двери в дом, то осанкой и ливреей походил на привратника в дорогих отелях. Привратник, так же как и сторожевая собака, оказался притворно-равнодушен в своих интонациях и не выражая излишних эмоций, ограничился дежурным приветствием:

– Добрый день, господин Рейнгольд. Господин Олберих Мориц из-за недомогания примет вас в своей спальне. Будьте любезны проследовать за мной, – и затем, слегка преклонив голову, служащий сделал рукой движение в сторону входной двери, приглашая гостя пройти за ним.

– Добрый день, – ответил в знак приличия Роман и прошёл в дом за дворецким или привратником, который согласуясь с регламентом придержал массивную дверь перед гостем, если в наше время допустимо именовать должность этого человека.

Поднимаясь на крыльцо Рейнгольд успел обратить внимание, на широкий пандус с невысокими перилами, устроенный с одной стороны парадной лестницы, скорее всего для въезда инвалидной коляски старика-хозяина. Встречающий его слуга носил безупречно выглаженную тёмно-синюю ливрею и чёрные лакированные туфли, белоснежная сорочка лаконично венчалась строгой тёмной бабочкой в цвет костюма. На вид прислуге детектив дал бы около шестидесяти лет, но не больше. Впереди него шёл высокого роста, сухой и худощавый мужчина, с прямой осанкой, но по лакейски, слегка опущенными плечами, ступая плавным, но твёрдым шагом. Белые дорогие шёлковые перчатки на руках привратника и запах терпкого дорогого парфюма особенно впечатлили Романа Генриховича.

Пройдя в сопровождении дворецкого в дом, Рейнгольд очутился в просторном холле, из которого в обе стороны вели коридоры с высокими массивными дверями, покрытыми белой многослойной эмалью и сияющих позолоченной фурнитурой. В центре просторного помещения находились распашные двери со стеклянными фасадами, ведущие видимо в большой праздничный зал, влево вдоль стены поднималась широкая лестница из белого мрамора, ведущая на второй этаж. Стены особняка украшали тканые обои темно-шоколадного оттенка, с тисненым растительным орнаментом по золотистому шёлку, законченность которым придавали многочисленные живописные картины испещрённые сеткой естественного кракелюра в массивных багетных рамах, с бытовым сценами жизни древних немецких городов и портретами родовитых родственников хозяев. Тёмные стены контрастно оттеняли очень высокие белоснежные потолки, декорированные изящной лепниной и старинной бронзовой люстрой, с крупными сверкающими подвесками из богемского хрусталя. Картины, по мнению Романа, принадлежали если ни кисти самого великого Лукаса Кранаха, то уже точно кому-то из немецких живописцев эпохи ренессанса. Старые полотна завораживали и поглощали всё внимание гостя, сочные краски, изящный мазок и до педантизма детализированные сюжеты приковывали к себе взгляд, а неподдающаяся пониманию игра света и тени оживляла немного гротесковые лица, изображённых на картинах горожан средневековых городов. «На калькуляторе в iPhone наверняка не хватит нулей, если оценить в рублях всю эту красоту», – промелькнуло в голове у Рейнгольда.

На втором этаже особняка Морица находилось не меньше шести больших комнат. Подойдя к дверям одной из них, дворецкий постучал и, выждав минуту-другую, приоткрыл дверь. Сделав ещё одну небольшую паузу, слуга, обращаясь к кому-то находящемуся в комнате, спросил разрешения впустить Романа Генриховича. Из глубины помещения дворецкому кто-то утвердительно ответил и слуга, распахнув перед Рейнгольдом дверь и пропуская того вовнутрь, отступил на шаг в сторону. Войдя в большую комнату, Роман попал в полумрак и его глазам потребовалось несколько секунд, чтобы адаптироваться к смене освещения. Высокие белоснежные потолки с лепниной и широким багетом придавали помещению ещё большее

ощущение простора. Тяжёлые шторы на трёх больших окнах не пропускали солнечный свет с улицы и спальню освещала лишь изящная лампа пятидесятых годов, с колпаком из зелёного стекла, горевшая на большом массивном столе рядом с кроватью. Мягкий свет также исходил от двух бронзовых бра позади Романа, находившихся на стене у входной двери.

В полумраке комнаты выделялась массивная деревянная кровать шоколадного оттенка из африканского бакаута, дерева жизни, с резной спинкой декорированной антуражной сценой охоты туземцев на льва, с изящными резными стойками для матерчатого полога из натурального льна. Посреди этой огромной кровати на высоких подушках, укрытый мягким шотландским клетчатым пледом, лежал статный старик в архаичном спальном колпаке и бархатном бордовом халате, в больших очках в роговой оправе с толстыми стёклами, с окладистой тёмной с проседью бородой. На лице старика выделялись тёмные густые брови и большой, греческого типа нос. Может быть, из-за полумрака в комнате, Роман дал бы хозяину на первый взгляд лет семьдесят, семьдесят пять. По всей вероятности перед детективом находился старик Олберих Мориц, а тому-то, по подсчётам Рейнгольда, выходило уже далеко за восемьдесят..

Одет Олберих Леопольдович Мориц был в мягкий велюровый халат синего цвета, из-под которого выглядывала белоснежная тонкого шёлка рубашка с повязанным под ней, на шее, тонким бордовым шарфом. Крупные ухоженные руки старик Мориц держал на какой-то толстой немецкой книге в кожаном переплёте.

На стенах спальни владельца, как и во всём особняке, также висели старые картины, но это были картины уже другого времени и других мастеров, чем те, что находились в холле. Изображены на этих полотнах были портреты, скорее всего, многочисленных предков Морица. Тут висела пара немецких баронов в одеждах 19 века, а один из родственников был изображён в костюме германского офицера времён Первой мировой, с орденой голубой лентой через плечо, остальные лица изображались в штатских гражданских костюмах, а женщины в дорогих длинных платьях и драгоценностях. В изголовье хозяйской кровати находился ростовой портрет красивой женщины, которой на вид мы бы дали около сорока лет, изображённой сидящей в резном кресле, с гербом на высокой спинке в виде головы льва, на фоне тёмной драпировки. Женщину с тонкими чертами лица украшал тёмный бархатный костюм для верховой езды, с обтягивающими серыми бриджами и высокими чёрными лакированными сапогами, в руках она держала изящный бархатный шлем и тонкую трость. Рейнгольд обоснованно предположил, что на портрете был запечатлён образ покойной жены Олбериха Морица, Эльзы Карловны фон Ригер.

Лицо старика оттенённое тусклым освещением, казалось болезненно бледным. У его кровати на приставном столике на колёсиках находились какие-то лекарства, тонометр в темной бархатной коробке, градусник, большой стеклянный стакан и графин с водой. Олберих Леопольдович пригласил Рейнгольда присесть в стоявшее у стола кресло для посетителей. Дворецкий тем временем, осознав, что в его услугах больше не нуждаются, бережно прикрыл за собой дверь и молча удалился.

– Как вы уже знаете, Роман Генрихович, у нас произошло великое несчастье, – начал срывающимся, но твёрдым голосом старик Мориц разговор с детективом. – Уже как две недели тому назад, пятого числа, в Коктебеле, на нашей яхте трагически погиб мой сын. Мой единственный сын Карл, – старик сделал паузу, видимо разговор давался ему с большим трудом. – Обстоятельства его безвременной смерти, а точнее гибели, вызывают у меня ряд вопросов. Хотя следствие, однако, уже пришло к своим, как мне кажется, весьма скоропалительным выводам. Карла обнаружили на яхте, стоявшей у причала в нашем яхт-клубе, с огнестрельным ранением в голову. Мне говорят, что это он сам произвёл выстрел, в его руке якобы был найден пистолет. Но до меня так никто и не смог довести объективных причин, по которым мог застрелиться такой человек. Мой сын... Имея чувство долга перед семьёй, перед детьми, перед своим отцом наконец... Как он мог уйти, не поговорив со мной... Он бы никогда так не поступил,

не уронил бы честь семьи, что бы ни случилось. Однако всё чем ограничилось следствие, это сделать приемлемый в данной ситуации для общественности вывод о неосторожном обращении с оружием.

Видимо, силы на какое-то время оставили старика Морица, его глаза закрылись. Через некоторое время, собравшись с силами, Олберих Леопольдович продолжил:

– Я получил от доверенных лиц весьма исчерпывающие рекомендации в вашей компетенции и порядочности, есть ещё ряд имеющих для меня веское значение обстоятельств, по которым я был вынужден обратиться за содействием именно к вам. Почему я уверен, что вы приложите максимум усилий, чтобы выяснить все обстоятельства произошедшего с Карлом несчастья и если в этом есть виновные, я хочу, чтобы они были найдены и наказаны. Наказаны ни богом, ни судом, а вами, вашей рукой, но моей волей. Вы изначально должны понимать, что я хочу возмездия и чтобы они сгорели в аду?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.